ИСТОРИЯ

КОЖЕВНИКОВ Владимир Васильевич

канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
Электронная почта: v.ronin@rambler.ru

Формирование древнего государства в Японии

УДК 952.01 10.24866/2542-1611/2017-4/48-61

Япония,
Ямато,
культура курганов,
культ предков,
древние правители
(оками),
удзи,
кабанэ,
социальные группы бэ,
род Сога,
императрица Суйко

В данной статье анализируется процесс формирования японского раннефеодального государства Ямато. Особое внимание уделяется процессу формирования основных структур управления обществом: системам удзи, кабанэ и бэ. С конца VI – начала VII вв. активно происходил процесс институализации японской государственности, и к концу VI в. в Японии сформировалось достаточно сильное государство централизованного типа. Это привело к проведению масштабных реформ, которые называются в истории Японии реформами Тайка. Их необходимость была вызвана конфликтом между традиционным устройством общества, основанным на кровнородственной организации (Ямато), и потребностями развивающейся государственности, требующей усиления территориальных принципов управления.

Государство Ямато появилось на равнине Нара в центральной Японии, примерно между 250 г. и 300 г. н.э. Так как его правители – «великие цари» (*ками*) – хоронились в больших курганах, этот период обычно называется «периодом курганов» (V–VII вв.) [9, с. 53].

Это было время, когда население страны превращало огромные участки целины в рисовые поля; иммигранты из Северо-Восточной Азии внедряли передовые методы производства, заимствованные с материка; воины ездили на лошадях и воевали с железным оружием в руках; армии покоряли большую часть Японии и расширяли свой контроль в соседних регионах на Корейском полуострове; правители Ямато направляли дипломатические миссии в Корею и Китай. Но поскольку никаких письменных источников за этот период в японской историографии не сохранилось, а корейские и китайские источники не говорят нам о жизни на Японских островах в то время, период Ямато считается в истории Японии тёмным и загадочным.

До конца Второй мировой войны японские историки рассматривали этот период как время удивительного и таинственного формирования «непрерывной» императорской линии. Но послевоенные учёные обнаружили на материке новые письменные свидетельства, проанализировали результаты археологических раскопок и попытались рассмотреть древнюю историю Японии, в том числе и процесс формирования Ямато, по-новому, с учётом современных достижений науки.

Японский историк Эгами Намио, например, используя корейские источники и археологические находки, разработал концепцию, согласно которой в этот период в Японию пришли «воины-всадники», которые вторглись на японское острова из Северо-Восточной Азии и основали там новую правящую династию. Он обратил внимание на то, что первый и второй этапы курганного периода отличаются между собой археологическим материалом: во втором периоде (V в.) в курганах появляется лошадиная утварь, которая в первом периоде почти не была представлена. Кроме того, курганы значительно увеличились в размерах.

По мнению Н. Эгами, истоки нынешней императорской династии Японии надо искать среди кочевых народов Восточной Азии [15].

Эта теория вызывала разноречивые оценки. Одни исследователи приняли её безоговорочно, другие критиковали, т.к. изменения, отмеченные Н. Эгами, не зафиксированы достаточно чётко. Общее мнение специалистов в настоящее время склоняется к тому, что «в качестве идеи она интересна, но полностью согласиться с ней трудно».

М. Воробьёв отмечает, что ещё в конце III – начале IV в. в Ямато были заложены основы простейшего политического образования, во многом ещё на патриархальной основе [1, с. 83–140].

Точная дата возникновения государства Ямато неизвестна. Но судя по тому, что в тексте погребальной стелы Квангэтхо-вана, королевства Когурё на Корейском полуострове, в начале IV в. отмечено вторжение Ямато в Корею, можно говорить уже о государственном объединении на территории Японии, которому было под силу организовать заморскую экспедицию в широких масштабах [2, с. 76].

Общество в Японии этого периода можно представить как «конфедерацию кланов». Эта модель предполагает, что общество периода *кофун* (курганов) было скорее свободной конфедерацией различных государств с различной степенью сложности, объединённых одним кланом, который был сильнее других. При этом пути, по которому различные союзы объединялись и были связаны с центром, в разных районах отличались друг от друга.

К началу IV в. владения Ямато в современных географических понятиях, раскинулись на востоке до Токио, на западе – до района Тюоку, а в конце IV в. включали район Канто. В V в. территория расширилась до района Тохоку на востоке, о Сикоку на юге и о Кюсю на западе [14, с. 102].

Но современные знания о том, что было на самом деле в Японии в период между III веком и началом VII века довольно туманны и неточны. Это был период между правлением королевы Химико, о которой сообщается в китайской хронике «Вэй чжи», где идёт речь о племенном союзе Яматай, и правлением с 592 г. до 628 г. императрицы Суйко, которая восстановила отношения с Китаем.

В результате новых исследований последних десятилетий можно представить, в конце концов, общие очертания процесса, согласно которому правящий племенной союз III в. был заменён китаизированным бюрократическим государством к VII в. Используя результаты этих исследований, можно выделить три основных периода изменений в истории Ямато. Первый, продолжительностью около 150 лет, проходил, когда царство Ямато процветало. Второй начинается в V в., когда растущие возможности правителей Ямато проявились за

рубежом в виде военных кампаний, в строительстве впечатляющих курганов, содержащих железное оружие и конское снаряжение, и в создании обширных ирригационных систем. Третий этап приходится на VI в., когда государство столкнулось с проблемами внутри страны и за её пределами. Ямато попадает под влияние китайской культуры: импортируются административные технологии, системы письменности, книгохранения, регистрация землевладений, заимствуются китайские формы обучения и т.п. [8, с 110].

Хотя царство Ямато в начальный этап становления, казалось бы, не имело официальных отношений с китайским и корейскими дворами, археологические данные показывают глубокое континентальное влияние.

Китайское влияние проникало в Японию через людей с материка, которые регулярно прибывали в Ямато. Политические коллизии на территории Китая ускорили поток восточных технологий и знаний. Похоже, что вторжения в Китай кочевых племен с севера заставили многие слои культурных китайцев, имевших связи с проигравшими режимами, эмигрировать в Корею и оттуда, возможно, в Японию. Кроме того, уничтожение китайских колоний в Корее в начале IV в. приводило к массовому переселению китайцев на японские острова. Хотя каналы культурного влияния из Китая в те далекие годы не могут быть документально зафиксированы, очевидно, что континентальное влияние на Японию имело явно китайское происхождение и пришло в Японию через Корею. Таким образом, в общем можно утверждать, что в начальный период формирования государства Ямато, а также в ранние и более поздние времена, Япония лежала в китайской культурной орбите [8, с. 111].

В 313 г., за четыре года до распада китайской династии Западная Цзинь, китайская колония в Северной Корее была уничтожена корейским государством Когурё, первым из трёх независимых корейских царств, появившихся в IV в. Вскоре после этого на юго-западе Корейского полуострова укрепилось государство Пэкче, которое смогло вторгнуться в 371 г. в Когурё, убить его короля и захватить столицу. Но довольно быстро Когурё восстановилось, став ещё сильнее. В Когурё были введены формы китайского обучения и управления (буддизм, конфуцианство и китайские уголовное и административное право), которые будут заимствованы Японией только спустя 200 лет. Тогда же, во второй половине IV в., на юго-восточной части полуострова, ближайшей к Ямато, появилось третье корейское царство Силла. О политических или военных отношениях между этими корейскими государствами и Ямато в первой половине IV в. известно мало.

Известно только то, что Ямато имело дружественные связи с Пэкче, вступало в столкновения с Силла и воевало с Когурё. В 414 г. на севере Кореи была возведена каменная стела, на которой описывались подвиги одного из корейских королей. Среди них упоминалось и отражение японского вторжения. Это дает основания предположить, что японцы в IV в. пытались проводить экспедиции против Кореи. В результате военной активности на Корейском полуострове Япония закрепились на юге Кореи, в области Мимана (Кая), фактически превратив её в свою колонию. Согласно японским хроникам более позднего времени, правитель Японии назначал туда своих чиновников,

ввел военное положение, чтобы обеспечить поступление доходов. Согласно этим хроникам, эта область находилась под управлением Ямато до середины VII в.

С другой стороны, ситуация с областью Мимана не так проста. Ряд корейских исследователей считает, что японской колонии на территории Кореи не было, а Мимана – это внутренняя область Ямато, где переселенцы с трёх корейских государств создали свое поселение. Эта проблема ещё требует изучения [3, с. 118].

Основной источник информации о японской жизни в период Ямато кроется в курганах, возведённых для умерших лидеров. Поэтому историки уделяют особое внимание их характеру, содержанию, и распределению. В Китае, например, огромные курганы были возведены еще период с 721 по 481 гг. до н.э. В Корее также они были построены для захоронения царей, которые правили в каждом из трёх королевств, возникших и процветающих в IV в. н.э. Именно в тот период, когда складывалось государство Ямато, его правители также строили огромные курганы для своих умерших предшественников. Курганы в каждом регионе имели особый характер: те, которые были возведены в IV в. в Японии и Корее (особенно в Пэкче и Силла), были достаточно похожи, чтобы предположить параллельные процессы политической централизации и непрерывный и прямой поток культурной составляющей из Кореи в центральную Японию.

Почти всё, что мы знаем о первом периоде государства Ямато, вытекает из археологических открытий, сделанных в юго-восточном районе равнины Нара, в районе Сики у основания горы Мива. Эти открытия были сделаны в основном в районе шести курганов, построенных примерно в 250–350 гг. Эти шесть курганов, как и несколько ранних погребений, обладают рядом общих признаков, в том числе и тем, что они все возведены в форме замочной скважины. Они также имеют другие особенности, которые позволяют связать их строительство с появлением государства Ямато. Во-первых, они являются исключительно крупными: каждый из шести, по крайней мере, вдвое больше, чем любой курган в Корее. Во-вторых, все они были построены один за другим в области Сики. И в-третьих, они содержали гробы, сделанные из расщепленного бамбука и сосны, и были заполнены большим числом зеркал, оружия, инструментов и украшений, что позволяет говорить о единой линии правителей нового сильного государства Ямато. Курганы, которые возводились в виде холмов в предшествующий период Яёй, явно предназначались для лидеров объединений сельскохозяйственных общин. Курганы в виде замочных скважин начала периода Ямато уже явно были предназначены для мощных правителей-первосвященников, которые стояли по положению значительно выше других членов общины [8, с. 115].

Археологические данные доказывают, что в районе равнины Нара люди жили еще до периода Ямато, а быстрый рост экономики в этот период можно объяснить резким улучшением технологий сельскохозяйственного производства и увеличением сельскохозяйственного производства. Исследования подводят к выводу, что последняя треть III в. на территории Ямато была периодом взрывного сельскохозяйственного роста. Это позволило правителям Ямато организовать людские и материальные ресурсы, необходимые для построения огромных курганов, осуществления серьёзных военных кампаний в

отдаленных частях страны и расширения зоны контроля вплоть до Корейского полуострова [8, с. 116].

Появление государства Ямато также было связано и с поклонением местным богам (*ками*), что придавало правителям Ямато не только гражданские, но и религиозные функции. Гора Мива – священная гора, где по преданиям находились могущественные *ками*, и не случайно все перечисленные местные курганы находились у её подножия. Историки были убеждены, что ранние правители Ямато имели особые связи с *ками*, находящимися на этой горе и проявляли интерес к храму Оомива, который находится у подножия горы. Интересно, что этот храм, в отличие от большинства других синтоистских храмов, не имеет центрального зала поклонений (*синдэн*), где обычно находится «тело бога», так как сама г. Мива рассматривается в качестве такого «тела бога» [4, с. 122–123].

Во второй половине IV в. царей Ямато стали хоронить в районе Саки – северо-западной части современного города Нара. Наиболее известные курганы в этом районе – курган Госаси, курган Хороисан. Кроме того, здесь имеются ещё два кургана длиной более 200 м. Цари, похороненные в курганах Саки, по-видимому, унаследовали власть от своих предшественников, похороненных в районе Сики. Расширение Ямато в другие регионы Японии в конце IV в., похоже, послужило основой для мифов, записанных в «Кодзики» и «Нихон сёки», про военные подвиги принца Ямато такэру но микото. К ним относятся так много пассажей о божественной помощи, полученных от *ками* и других сверхъестественных существ, что есть соблазн отмахнуться от них, как мифов без исторической основы. Но включение деталей о вполне возможных событиях позволяют предположить, что они возникли из успешных военных кампаний, которые говорят о процессах, приводивших под контроль Ямато регионы на западе, а затем на северо-востоке Японии.

Эти компании связывают в мифологии с именем Ямато такэру сыном 12-го императора Кэйко [11, с. 41–47]. Среди историков идут споры о том, кто же из реальных императоров послужил прототипом для этого персонажа японской истории. Это непростая задача, и идентифицировать Ямато такэру как одного человека довольно трудно. Более того, некоторые историки отрицают реальное существование и его отца – императора Кэйко. В последнее время среди японских историков считается, что в период V–VI вв. несколько членов императорской семьи составили коллективный портрет Ямато такэру. Тем не менее, историк Т. Овада пытается найти его конкретный прототип и полагает, что им мог быть император Юряку. Он опирается на китайские хроники, где имя Юряку писали через иероглиф Бу: «Бу – король Ва». И если убрать слово «король», то получается чтение иероглифов «Ямато такэру». Но до сих пор полной ясности в этом вопросе нет. Есть основания предположить, что для «Кодзики» моделью мог послужить Юряку, а для «Нихон сёки» кроме Юряку были использованы и другие личности [12, с. 35–42].

Таким образом, какие-то события, в том числе и военные компании, имели место в тот период, когда государство Ямато распространяло влияние на запад и на северо-восток страны, а участники этих событий вошли в историю Японии под легендарными именами.

Вторая половина IV в., когда цари Ямато были похоронены в районе Саки, была не просто временем расширения Ямато, что стало возможным благодаря использованию армий, оснащённых железным оружием, но и временем, когда короли Ямато стали глубоко вовлечены в поклонение *ками* в другом храме – Исоноками. Правители продолжали почитать *ками* горы Мива, но после того как дворцы и курганы были возведены дальше к северу, вероятно, цари стали привязанными к сильным кланам (*удзи*) в этой области страны, в результате чего храм Исоноками, видимо, стал ведущим храмом Ямато [8, с. 119–120].

Полагают, что и знаменитый меч Сусаноо тоже хранился в этом храме. Там же хранится и меч с иероглифической надписью, который был подарен королем Пэкче правителю Ямато в 369 г. Его называют «семизубцовым», так как на его лезвии с обеих сторон выступают по три отростка. Это было не оружие, а символ власти. Историки, как японские, так и корейские, спорят относительно того, вручался этот меч от сюзерена вассалу или от вассала сюзерену. Сейчас трудно определить, кто же был выше в иерархической лестнице того времени, но меч доказывает наличие связей между Пэкче и Ямато во второй половине IV в. Из надписи на мече ясно, что Пэкче было вассалом Восточной Цзинь. В свою очередь, Пэкче искало союза с Ямато против своих соседей на Корейском полуострове Когурё и Силла, которые хотели расшириться за счет Пэкче. Ямато также опасался Силла, укрепившегося на берегах Цусимского пролива, издавна бывшего сферой влияния Ямато. Это толкало Ямато на союз с Пэкче [3, с. 125].

Второй период Ямато приходится на V в., это был период поразительных изменений в истории Японии. В это время строились крупнейшие курганы; возводились довольно сложные оросительные системы; правители уделяли больше внимания военным делам, чем религиозным ритуалам. Правители Ямато, используя растущую сеть кланов (*удзи*) и профессиональных групп (*бэ*), укрепляли богатство и власть; контроль над страной был расширен до большинства японских островов и части Корейского полуострова; цари Ямато получили признание со стороны китайской династии Южная Сун. Особенно это было заметно в царствование императора Нинтоку который был похоронен в крупнейшем в Японии кургане, и императора Юряку, который посылал подарки династии Южная Сун.

Примерно после 400 г. крупнейшие курганы больше не возводились в области Саки в северном Ямато, а стали возводиться на юге района Кавати и севера района Изуми: на западе и вблизи берегов Внутреннего моря. Среди этих курганов выделяется группа Фуруити, в настоящее время район города Фудзиидэра, в которую входят Накацуяма, и Кондагобёяма. Важные курганы располагаются в группе Модзу в Идзуми. Среди них курган Ритю, Дайсэн или курган императора Нинтоку (486 м., крупнейшая в мире могила), и Хасэ Нисандзай. Историки и археологи сходятся во мнении, что все пять объектов были построены в V в. поочередно в Кавати и Идзуми. Получается, что центр власти Ямато, который поначалу был расположен у подножия горы Мива в юго-восточной Ямато, около 350 г. переехал сначала в область Саки на севере Ямато и затем в начале V в. перебрался в район Кавати и Идзуми. Причины такой миграции не вполне ясны. Можно предположить, что это был результат борьбы

внутри или между клановыми федерациями, которые поддерживали двор Ямато. Когда возникали разные кланы или федерации различных кланов, в зоне влияния этих кланов строились великие курганы для умершего правителя.

Похоже, что в начале V в. при дворе Ямато стали преобладать две федерации – одна базировалась в южной части Кавати, а другая в северной части Идзуми. Они поддерживали проведение на трон кровно связанных правителей, которые были позже похоронены в огромных курганах.

Чем существенно отличаются курганы V в. от предшествующих? Во-первых, они были значительно больше, чем предыдущие. Три из пяти перечисленных были крупнее, чем самый большой (310-метровый курган императора Кэйко), построенный в предыдущие годы. Курган императора Нинтоку в Идзуми достигает 486 м. в длину, охватывает около 60 га, и изначально окружен тремя рвами и большим количеством числа глиняных фигурок *ханива*. Он известен как крупнейший курган в Японии. Курганы в Идзуми и Кавати были, кроме того, построены на относительно ровной местности, тогда как в предшествующие периоды они возводились на холмах, что требовало гораздо меньших усилий. Размер погребений в Идзуми и Кавати, а также их строительство на территории или вблизи пахотных земель, производят гораздо большее впечатление концентрацией экономической и политической власти правителей и символизировало политическое и экономическое могущество правителей Ямато. Кроме того, огромное количество ценных артефактов в курганах дает основание предположить, что курганы были построены для правителей Ямато, которые в то время контролировали гораздо больше территорий и обладали гораздо большим богатством [8, с. 126–127].

Военная сила и материальные богатства Ямато V в. возникли в значительной степени благодаря существенному росту производства риса. Историки напоминают записи из хроники «Нихон сёки», где под 14 годом императора Нинтоку, рассказывается о строительстве большого канала, который направлял воду из реки Исикава в необрабатываемые земли четырёх районов Кавати. Этот обширный проект, по видимому, увеличивал площадь земельного участка для выращивания риса на площади в несколько тысяч акров, для того чтобы уменьшить угрозу неурожая [5, с. 302–305]. Поскольку хроника «Нихон сёки» была составлена более двух веков спустя этого события, историки полагали, что составители приписали императору Нинтоку событие, которое произошло много позже. Но археологи недавно обнаружили искусственный канал и пришли к выводу, что ремонтные работы на нём, возможно, были сделаны в начале V в. Таким образом, сомнения в правдивости «Нихон сёки» были частично развеяны [8, с. 129–130]. Другие данные из хроники также сообщают о строительстве каналов, прудов и плотин в период правления Нинтоку.

Это показывает озабоченность Нинтоку важностью проблемы орошения для увеличения производства риса, а также значением иммигрантов, которые знали, как строить и ремонтировать дамбы. На основе таких доказательств, можно сделать вывод, что цари Ямато V в. смогли расширить свой контроль на другие регионы Японии и Кореи не только из-за их более широкого использования импортной военной техники, но также и из-за экономических выгод, получаемых

от работы иммигрантов, которые знали, как построить и поддерживать системы орошения.

Второе отличие заключается в том, что правители Ямато в то время больше внимания уделяли военному делу и меньше ритуалам *ками*. Это изменение заметно прежде всего в археологических материалах. Курганы V в. содержат больше оружия и воинского снаряжения, сделанных из железа, и в них меньше церемониальных предметов, таких как бронзовые зеркала и украшения *мзгатама*. В одном из курганов неподалеку от кургана императора Одзин археологами найдено 77 железных мечей, 62 железных наконечников стрел, 203 железных серпов, а также многочисленные другие железные орудия [4, с. 224].

Эта мысль подтверждается и текстами хроник «Кодзики» и «Нихон сёки», относящимся к императорам Оодзин и Нинтоку. В разделах, посвященных императору Судзин, часто упоминаются мифы о связях правителей Ямато и местных *ками*. Главы же об Оодзин и Нинтоку включают мало упоминаний и обращений к *ками*. В них основное внимание уделено конкретным делам императоров: экспедициям в Корею, организации иммигрантов для строительства водоемов, сбору дани, императорским охотам, любовным делам, борьбе за трон, закреплении земель, борьбе с племенами *эмиси* на севере Японии, строительстве дворцов и создании армии для походов против Силла [5, с. 285–286, 297–318].

Перенос в V в. центра власти в район Кавати-Идзуми, в сочетании с одновременной активизацией военной экспансии и увеличением сельскохозяйственной деятельности, обострило интерес к мнению, что в этот период произошла смена династии правителей Ямато. Далеко не все историки пошли так далеко, чтобы утверждать, что это было, когда кочевники захватили контроль над Японией и начался новый царский род (*теория Н Эгами*), но большинство соглашается, что в это время появился разрыв в линии правителей Ямато.

Здесь уместно вспомнить гипотезу профессора Ю. Мидзуно о смене «трех династий». Он предполагал, что после императора Судзин (10-й, по официальной генеалогии, и, как считают историки, первый реально существовавший император) было ещё четыре императора его линии, последним из которых был Тюай (14-й). В ходе покорения «страны собак» (Куна или Куну) на острове Кюсю он погиб, не оставив наследника. Затем по версии профессора Ю. Мидзуно, правитель страны собак пошел в район Кинай, где создал новую династию, которая начиналась с императора Нинтоку. Эта ветвь продолжилась еще 7-ю императорами, последний из которых Бурэцу (25-й) умер, не имея наследников. Т.о. ветвь Нинтоку тоже закончилась. В результате была сформирована новая династия, которая начиналась с императора Кэйтай (26-й). Слабым местом этой теории является утверждение, что правитель страны собак дошел до Кинай и стал императором Нинтоку [12, с. 35–36]. Тем не менее перевод центра власти в район Кавати-Идзуми, вкупе с изменениями характера содержимого в курганах, дает основания предположить, что в V в. в Японии пришла к власти новая династия. Именно отсюда, кстати, и появилась теория Эгами Намио о народе-всаднике, покорившем Ямато.

Изучение имен правителей Ямато также заставляет прийти к выводу о том, что действительно новая линия наследования начинается с императора Оодзин. Историки обратили внимание на практику

вставления в имя правителя слова «ири» у правителей после императора Судзин и исчезновение этой частицы после императора Оодзин, когда в имя стали вставлять частицу «вакэ». Предшествующий суффикс «ири» (вступивший, вошедший) предполагал, что *ками* горы Мива входили (или духовно владели) каждым правителем по линии, начинающейся с Судзин, чьи курганы находились у подножья горы Мива. Частица «вакэ», которая использовалась в имени Оодзин и его наследников, означала «священное владение» и была мифологически связана с поклонением *ками* на севере современной преф. Фукуи и п-ова Ното. Это может означать начало новой императорской линии, связанной с прибрежными районами севернее равнины Нара [2, с. 124–125].

Правители Ямато в это время расширяли влияние по территории страны, и считается, что курганы, обнаруженные в преф. Гумма и Тохоку, были могилами вождей кланов, находившихся в тесной связи с правителями Ямато, что вытекает из величины курганов и типа захоронений в них, полностью аналогичным тем, что были в Кавати-Идзуми. Фактически они были уже местными представителями двора Ямато. Этот вывод подтверждается находками мечей в разных районах Японии, надписи на которых указывали, что их владельцы исполняли обязанности охраны дворца правителя Ямато или его представителя: как, например, на мече, обнаруженном в преф. Кумамото на о. Кюсю (мечи датируются периодом правления императора Юряку) [10, с. 132–133].

В письме в Китай (478 г.) император Юряку писал: «Наша страна находится далеко от Китая. Наши предки, издавна вооружившись и надев доспехи, не зная отдыха, преодолевали горы и реки для успокоения страны. Они покорили на Востоке 55 стран *эдзо*, на Западе – 66 стран варваров, а затем направились через море в Корею и покорили 95 стран» [3, с. 169–170]. Этим письмом он добивался от императора династии Сун права на управление Корейском полуостровом. Одновременно можно предположить что в V в. власть правителей Ямато распространялась и на запад, и на восток Японии. Предания о восточном походе Дзимму, видимо, это подтверждают. На основании надписи на мече, где правитель именуется Оокими, можно предположить, что со второй половины V в. под его властью уже находились и центральный и южный районы Канто и Центральный Кюсю. Население южного Кюсю (*кумасо*) и Южного Тохоку (*эмиси*) в V в. постепенно входило в сферу правления Ямато.

В ходе формирования государства Ямато его правители имели неоднократные столкновения с местными правителями. Мятаж, например, был в районе Киби (преф. Окаяма). Видимо, семья правителя (*оокими*) неоднократно приходила в упадок. Но начиная с VI в., после подавления мятежа Иваи на о. Кюсю, о котором речь пойдет ниже, система власти Ямато стала укрепляться. Основой для её упрочения стала система *удзи-кабанэ*.

В основе появления этой системы были сельскохозяйственные общины, которые развивались в условиях распространения поливного земледелия. Для этого потребовалось создание общин, объединённых единой целью, общими интересами, общей зависимостью. Так появились плотные группы, общины, ядром которых и являлись управляющие группы – *удзи*.

Японский исторический словарь дает следующее определение той системы: «*удзи* – группа, базирующаяся на кровной основе, в древние времена – единица правящего класса. Семья, базирующаяся на кровном родстве, включает в себя кровных родственников побочных ветвей и даже более отдаленных родственников, не связанных прямо кровными узами. В качестве экономической основы *удзи* были наследственные профессиональные группы *бэ* (*бэмин*) и земли *тадоко-ро* (частные земли аристократов) в окрестностях Киная могущественные *удзи* сформировали двор Ямато, включая *удзи* императора» [16, с. 98]. *Удзи* – это не род в прямом смысле слова, не естественно возникающая социальная организация, а своего рода патронимическая, социально-семейная группа, где главенствующее положение занимала влиятельная семья, включающая и неродственников. Уместно употребление термина «клан». Эти группы подразделялись на три категории: царских родственников, неродственников царя, иммигрантов.

Система *удзи* была тесно связана с системой *кабанэ*, то есть системой социальных рангов, которые присваивались их носителям императором. Эта система функционировала с середины V в. За носителем ранга закреплялась фамилия, от императорского двора им представлялась должность и жалование, а также определенное количество рабочей силы. *Кабанэ* обозначали место, которое занимал носитель ранга в системе власти.

Названия родов происходили главным образом от названия мест: как, например, Кацураги, Хэгури, Сога, – а также от должностей, которые занимали их предки: Оотомо, Мононобэ, Хадзи, Нисигори и т.п. [3, с. 126].

Система *удзи* – *кабанэ* была основой японского общества и главной единицей в системе местного управления в Ямато. Правители Ямато держали *удзи* под контролем, поручая им разные функции: военную службу, производство товаров, ритуальные функции, управление землями императорского двора по всей территории Ямато.

Система *удзи* стала базовой структурой японского государства Ямато с V в. Этот вывод можно сделать на основе анализа надписи на бронзовом зеркале, датированном 443 г., временем правления императора Юряку. На зеркале была надпись: «Кавати но Атаи». Кавати это видимо название клана (*удзи*), а Атаи – титул (*кабанэ*), данный его носителю правителем Ямато. Ещё одна надпись была на мече Инарияма: там читались имя и титул Вовакэ но оми. Полагают что Вовакэ – это имя клана, *оми* – титул *кабанэ* [2, с. 70–71].

Два самых престижных титула *оми* и *мурадзи* гарантировались только главам мощных кланов, которые служили правителям Ямато напрямую и жили непосредственно в столице или рядом с ней, а также тем, кто был связан с домом Ямато семейными узами. Главы самых мощных родов родов назывались Великий Ооми и Великий Мурадзи. При этом род Великого Ооми занимал должности, которые были непосредственно связаны даже с наследованием в императорской семье [4, с. 131].

Более низкие *кабанэ* выдавались местным правителям на местах. К таким рангам относились ранги *кими но мияцукэ*, *атаи*, *обито* и другие. Самыми низшими были *инаки* (уездный начальник) и *сугури* (деревенский староста). Ранги такого уровня, разумеется, назначались не двором, а местными властями [3, с. 128].

Сложной и не до конца исследованной остается проблема профессиональных гильдий – *бэ*. Эти группы были несколько похожи на кланы. И те и другие располагались в чётко определённых регионах и рамках и управлялись наследственными лидерами, имевшими *кабанэ*. Но в отличие от клана (*удзи*), который был выше в системе государственного контроля, и чей наследственный лидер имело управляемых жителей региона, глава *бэ* контролировал только деятельность той группы, которая была занята конкретным делом (несение определенной службы, производство сельскохозяйственных или ремесленных продуктов и т. п.). Институт *бэ* был похож, по мнению Дж. Сэнсома, на наследственные ассоциации рабочих, что-то типа корпораций в Древнем Риме [7, с. 36–37]. Эти корпорации были важной формой собственности для тех *удзи*, которые их контролировали, важным источником мощи, особенно если они были заняты в важном производстве или их члены были умелыми мастерами. При этом надо учитывать тот факт, что были *бэ*, обладавшие определённой автономией под управлением своих лидеров, которые впоследствии поднимались в социальной иерархии довольно высоко. Видимо, категория *бэ* объединяла самые различные социальные и этнические группы, в которые входили и свободные, и зависимые, и полусвободные, и рабы японского, корейского и китайского происхождения. Интересно, что ни *кумасо*, ни *эмиси* не превращались в *бэ*, что лишний раз подчеркивает привилегированное положение *бэ*. После реформ Тайка в середине VII в. этот институт перестал существовать. Из него выделились феодалы, крестьяне и ремесленники. С VIII в. термин *бэ* стал обозначать просто ремесленника.

V в. характеризовался увеличением притока переселенцев из Кореи в Ямато. Они несли с собой новые технологии в области ремесла: ткачества, производства железных изделий, гончарства, строительства, а также более передовые технологии организации сельскохозяйственных угодий, обработки земли. Принесли они и письменность. Прибывшие в страну писцы создавали профессиональные *бэ* – *фухитобэ*. На них была возложена обязанность записывать важные дипломатические, а затем и финансовые отчёты. Активно строились мощные ирригационные системы, распространение получило строительство водохранилищ, что давало возможность развивать и вводить в оборот целинные земли.

V в. характеризовался дальнейшим расширением вмешательства Ямато в корейские дела. Корни этого вмешательства лежали ещё в IV в. В начале V в. Ямато отправляло войска против Силла, и Корейский полуостров был разделён на враждующие группировки: с одной стороны – Когурё и Силла, с другой – Пэкче и Ямато. Первая группировка сотрудничала с северным китайским двором, а вторая с южным. Согласно китайским хроникам пять правителей Ямато отправили десять миссий в Южный Китай.

В связи с этим одной из самых сложных проблем этого периода в истории в Японии является т. н. «проблема пяти царей Ва», их идентификации. О существовании упомянутых правителей Ва (Ямато) известно из китайских хроник, в которых сообщалось, что они платили дань китайской династии Сун (420–479 гг.). На сегодня наиболее принятой версией является мнение, что первые три миссии (421, 425, 430 гг.) были отправлены императором Оодзин, 4-я (438 г.). – Хэйдзэй,

следующие три (443, 451, 460 гг.) – Ингё, 8-я (462 г.) – Анко, и последние две (477, 478 гг.) императором Юряку. Он в 478 г. отправил послание императору Южной Сун, в котором просил дать ему полномочия на разгром Когурё, нарушавшего стабильность на Корейском полуострове. В ответ он получил титул «Король Ямато и полководец умиротворяющий Восток, который уполномочен в военных делах шести королевств» [3, с. 134].

В 479 г. Юряку, так и не осуществив свою мечту отправить войска в Когурё, заболел и умер. В силу этого вопросы внешней политики отошли на второй план. Бурные отношения Ямато и Корейского полуострова в V в. сошли на нет с окончанием этого века.

В VI в. в культуре курганов происходят значительные изменения. Во всех регионах страны появились круглые курганы диаметром около 10 м. Их можно было строить и на островах, и в горных ущельях. Они также, как и крупные, образовывали целые группы. Это означает, что наряду с очень крупными правителями курганы стали строить и влиятельные представители сельскохозяйственных кругов на местах. Власть центрального правительства слабла, и правителям Ямато пришлось признать право местной верхушки возводить курганы.

VI в. начался с правления императора Кэйтай. Его предшественник император Бурэцу, получивший название «плохой император», умер, не оставив наследников. В «Нихон сёки» сделана попытка показать переход власти от Бурэцу к императору Кэйтай естественным и последовательным, так как существовала необходимость подтвердить «непрерывность императорской линии». Однако в этой ситуации есть несколько моментов, которые позволяют сделать вывод о том, что Кэйтай взял власть после 20 лет смуты при дворе.

Серьёзные проблемы в Ямато возникли спустя несколько лет.

Два корейских государства – Пэкче и Силла – стали распространять влияние на юго-западную область Мимана, которая издавна находилась под влиянием Ямато. Пэкче потребовала уступки Мимана территории Пэкче и получила согласие. Но в 527 г. Ямато решило вернуть эту территорию, и планировало отправить несколько десятков тысяч войск, для осуществления этой операции. К этому времени Мимана уже перешло под контроль Силла. Но японские войска застряли на Кюсю из-за местного мятежа, который устроил губернатор области Цукуси – Иваи. Это интересная фигура в истории Японии. Японский исторический словарь пишет, что это был влиятельный губернатор области Цукуси, и он сотрудничал с Силла [9, с. 62]. Поэтому он поднял мятеж, чтобы не пропустить на Корейский полуостров войска Ямато. В 528 г. он был убит. Выступление Иваи говорит о борьбе внутри администрации Ямато, и видимо, Иваи хотел приобрести независимость от Ямато; фактически это был не мятеж, а гражданская война. В результате экспедиционный корпус задержался на Кюсю на два года и впоследствии потерпел поражение на Корейском полуострове. В результате правитель Мимана вошел в союз с Силла, что означало конец «золотого века» Ямато [10, с. 103].

Администрация Ямато приняла решение сконцентрироваться на внутренних делах. С середины VI в. в Ямато наметилась определенная специализация: за домом *сумэраги* (императорский род) закреплялась функция номинального верховного правителя, род Сога сосредото-

чил в своих руках реальную власть, контролируя финансы страны, охранные функции выполнял род Мононобэ, а жреческие Накатоми.

В середине VI в. в Японию проникает буддизм. Появление буддизма в это время было связано, по преданию, с правителями Пэкче. Предполагается, что они рекомендовали его в надежде на помощь Ямато в борьбе против соседей. Это было время подготовки реформ VII в. Процесс проникновения буддизма шел непросто. Новая религия вызвала серьёзные раздоры между родами, стоящими у императорского рода. Особенно негативно были настроены к буддизму роды, которые традиционно занимались национальными культами. Они призывали уважать предков и не менять религию. На самом деле это был конфликт между старыми порядками и представителями сил, желающих политических реформ. Многие политические лидеры Ямато, наблюдая растущую мощь корейских государств, видели, что Ямато – отсталая страна, которая может проиграть корейским государствам, а, следовательно, приходили к идее о необходимости реформ, проведение которых увязывалось с принятием нового культа.

Дело в том, что японская традиционная религия (синто) – это древняя языческая религия, которая существовала в виде фетишизма, магии, тотемизма, обожествления сил природы и почитания культа предков. Это была местная религия, имевшая в каждом районе специфические особенности, что способствовало межродовой раздробленности.

Буддизм же соответствовал идее централизованного государства, он отрицал реальность существующего мира, утверждал истинность потустороннего мира. Буддизм был понятен и высшим и низшим слоям, ибо проповедовал равенство всех перед Буддой. Он соответствовал планам сторонников укрепления государства. Они считали, что буддизм дает духовные и материальные выгоды для Японии. Фактически это был не религиозный конфликт, а столкновение между консервативными силами и сторонниками реформ японского государства [7, с. 48].

Сторонников буддизма возглавлял род Сога. Он и сыграл важную роль в подготовке реформ, особенно лидер рода Сога Инамэ и его сын – Умако.

Борьба между сторонниками новой религии и традиционалистами привела к тому, что в 587 г. произошла битва между дружинами Сога и Мононобэ, закончившаяся поражением последних. С этого времени положение Сога ещё больше упрочилось, и они фактически контролировали правящий род до середины VII в. Механизмом такого контроля являлось установление системы, при которой дочери рода Сога выдавались замуж за представителей правящего рода, а дети, родившиеся от этих браков, становились правителями. Таким образом, уже в конце периода Ямато в Японии сложилась будущая традиционная система политической традиции Японии – разделение жреческих (правящий род) и управленческих функций (род, поставляющий правящему дому невест – сначала Сога, а потом Фудзивара).

В 592 г. в результате придворного заговора, организатором которого был Сога Умако, был убит правитель Сусюн. На трон была возведена ставленница дома Сога – Суйко, остававшаяся правительницей до 628 г. Она перенесла дворец в Асука, и следующий период истории

Японии вплоть до переезда столицы в Нара (710 г.) обычно называют периодом Асука, который пришел на смену Ямато.

Таким образом, с конца VI в. активно происходил процесс институализации японской государственности, и к концу VII в. в Японии сформировалось достаточно сильное государство централизованного типа. Этот процесс сопровождался проведением масштабных реформ, которые называются в истории Японии реформами Тайка. Их необходимость была вызвана конфликтом между традиционным устройством общества, основанным на кровнородственной организации и потребностями развивающейся государственности, требующей усиления территориальных принципов управления.

Литература

1. Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Наука, 1980. 346 с.
2. История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1968 г. / Отв. ред. А.Е. Жуков. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 663 с.
3. Кожевников В.В. Очерки древней истории Японии. – Владивосток: изд-во ДВГУ, 1998. 188 с.
4. Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии. – СПб.: Гиперион, 2002. 510 с.
5. Нихон сёки (Анналы Японии). Т. 1. – СПб.: Гиперион, 1997. 494 с.
6. Obyashi T. The Ethnological Study of Japan's Ethnic Culture: A Historical Survey // ACTA ASIATICA. 1991, № 61. Pp. 1–23.
7. Sensom G. A History of Japan. To 1334. – Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1963. 500 p.
8. The Cambridge History of Japan. Vol. 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 577 p.
9. 網野 善彦 日本社会の歴史〈上〉 岩波新書 = Амино Ёсихико. История японского общества Т. 1. – Токио. Ивана-ми синсё, 1998. 210 с.
10. 黒岩 重吾 古代史を解く九つの謎 (PHP文庫. 2003 = Куроива Дзюго. Девять загадок, разгадывающих древнюю историю. – Токио, 2003. 260 с.
11. 直木 孝次郎 日本神話と古代国家. 講談社学術文庫. 1990 = Наоки Кодзиро. Японские мифы и древнее государство. – Токио, 1994. 301 с.
12. 小和田 哲男 日本の歴史がわかる本〈古代～南北朝時代〉篇 . 知的生きかた文庫. 2010 = Овада Т. Книга для понимания истории Японии. Т. 1. – Токио, 1993. 260 с.
13. 佐原 真 騎馬民族は来なかった . NHKブックス. 1993 = Сахара М. Народ-всадник не приходил. – Токио, 1998. 231 с.
14. 上田 正昭 大和朝廷講談社学術文庫東京1997. 276 с. = Уэда Масааки. Двор Ямато. Токио, 1997. 276 с.
15. 江上 波夫 騎馬民族国家—日本古代史へのアプローチ. 中公新書. – 1991. = Эгами Намио. Государство народа-всадника. Токио. 1998. 349 с.
16. 朝尾 直弘 角川日本史辞典 単行本 – 1997. = Словарь истории Японии. – Токио, 1977. 1405 с.